
Не короток мой век, чтобы понять:
совсем не некоторых
тянет имя застолбить для будущих эпох,
и мне бы просиять в веках:
не рыж, и не рогат... пока?
Ищу приличный способ, – чтоб и дешёв и неплох.

Оставить след на сотни лет –
злодейство нужно, прощя нет,
вот костровой известный, избежавший крупных трат
и много ли нам дела,
что и сколько там сгорело, но
все помнят – раскошелился на спички Герострат.

Не ткнул бы в Цезаря мечом –
был в словарях бы ни при чём,
а так – открой на букву "Б", увидишь : "И ты, Брут...!"
Гаврило Принцип с бодуна
пальнул в эрцгерцога – война!
И скоро, слышал, памятник Гавриле возведут.

С безвестностью воители
все Джеки-потрошители,
у Чикатил, возможно, просто к славе интерес...
Стрелка, блондина этого,

давно бы имя – в Лету, ну
а так любого разбуди, услышите: "Дантес!".

В том, может, нет зазорного,
когда идёшь под гору, и
намного больше за спиной, чем светит впереди...
Оставить след – мне хочется,
и колется... и хочется
оставить след... Но так бы, чтоб не очень наследить.

Растворил, как в романсе, окно,
а на ветке опавшего клёна
чёрной меткой, унылым пятном
галка. Впрочем, возможно, ворона.

Галок не выношу за галдёж,
глупый гонор горланящей стаи.
И ворон – за кликушечью ложь,
бредни старых вещуний – достали...

Кинул в гостью тупой карандаш:
"Шла бы ты!... То есть, в смысле, летела б!" –
Взмах крыла, восходящий вираж...
Чёрт! Опять я попал не по делу,

снова тётка-непруха ко мне,
снова я в минусах и в пролёте:
птица чёрной была не вполне,
белым боком мелькнула на взлёте.

Я – сороку прогнал! Не хотел...
Застрелись, орнитолог хреновый:
вдруг была у неё на хвосте,
наконец-то! – заветная новость...

Опять пригласили в приветливый дом,
всё будет с улыбкой, и будет с вином,

на шляпу не сядут, не стырят пальто,
вот спеть только надо: "Мне нравится, что...".

Мне нравится, что... В этом месте – обрыв.
Раскрыться – не то что скатиться с горы,

но всё же продолжу – не боги горшки...
Я знаю, как эти надставить стишки.

От строчки оставлен приличный кусок,
пойду, прогуляюсь в соседний лесок,

в опавшей листве наберу всё подряд –
от честных поганок до ложных опят,

и если, простите, их переварю,
то праздник удачи себе подарю.

Ведь значит, не так уж и плохи дела,
надежда последняя – не умерла,

и значит, гитарка не стала вдовой,
и сложится песенка – значит, живой,

и пусть ей плевать на команды в строю,
мне нравится: что захочу – то спою...

Приветливый дом. Но порядок знаком:
Пей, пой... И следи за своим языком.

Трудненько. Но будет награда за труд:
мне нравится, что тут в мозги не клюют.

Над крутизной – закатной чайки крик,
внизу – прибой.

Асфальта двухполосный половик –
мой путь кривой.

Дорожка вдоль обрыва не бредёт,
куда глаза:
Разметка. Две стрелы: одна вперёд,
одна назад.
На север ли пойду, пойду ль на юг –
всё две стрелы.
Не тормозя, угадывать свою –
закон игры.
Твержу себе: не каждому дано
прийти в тот храм...
Звонок велосипедный за спиной:
иду – не там.

ПОССУМ

Двадцать пять тому : "Притрётся. Всё притрётся..." –
Осторожный оптимизм. Себе припарки.
Ну, подумаешь, налево ходит солнце.
Ну, не Ковш, а Крест... Ну, жарко... Где не жарко?
Ну, батрачу так, что не хватает суток,
но хвалю себя... Ну, точно – не ругаю.
В общем, всё в пределах нормы. И к чему-то
привыкаю. От чего-то отвыкаю.
Привыкаю, что я русский, наконец-то.
Отвыкаю не копить свои заначки.
Привыкаю, что и дружба – это средство.
Отвыкаю, что улыбка – что-то значит.
Приивыкаю, что на всех проёмах – сетки:
всё же, душно. Нужно настезь – окна, двери...
А в ночи бессонной всё шуршат по веткам
пусть не злые, даже ласковые, звери.
Хвост верёвкой, глазки чёрные навывают...
Да о чём я – все не раз встречали сами.

Всё притрётся. Только вряд ли я привыкну,
что бывают крысы с добрыми глазами.